

DOI 10.25205/2658-4506-2019-12-2-63-91

И. А. Кедров

О ПРИРОДЕ В ОТНОШЕНИИ К РАЗУМНЫМ ТВАРЯМ

Статья представляет собой третью часть работы русского философа и психолога Ивана Андреевича Кедрова (1811–1846) «Опыт философии природы», опубликованной в 1838 г. Текст приведен в соответствие с современной орфографией и пунктуацией.

Находясь в совершенно страдательном отношении к Виновнику своего бытия, Природа в то же самое время имеет влияние на разумных тварей самое сильное и полновластное. Доколе человек будет иметь нужду в водительстве её, как своей воспитательницы; доколе не освободится от всякой подчиненности внешним законам, или лучше, не научится управлять ими: доколе он, при всей свободе своей, должен покоряться Природе. И напрасно мнимый властитель мира, в ослеплении ума своего, тяготится зависимостью от уставов её, напрасно ропщет на то, что он обложен узами плоти, стесняющими порывы духа в небеса. Это значит быть неблагодарнейшим сыном такой матери, которая живет преимущественно для нежного плода своего, которая в том поставляет почти всю цель своего бытия, чтобы доставить своему сыну предназначенное наследие славы и быть счастливой его счастьем. Мы постараемся раскрыть, А) что Природа действительно ведет разумных тварей к предназначенной для них цели, способствуя частью к развитию в них тех сил духа и частью к удовлетворению тех потребностей, которые по своему происхождению не принадлежат планете. Но поскольку некоторые факты, по-видимому, решительно противоречат нашему положению, то Б) нам должно обратить особенное внимание на них, как на уклонения Природы от общих законов её, направленных к нравственноразумному воспитанию людей, в котором заключается источник их благополучия.

Нелишне упомянуть, что, говоря об отношении Природы к разумным существам, мы понимаем Природу в значении органических сил и законов, обнаруживающихся во всем материальном мире, не исключая организма

человеческого. Правда, человек состоит из души и тела, как существо единичное, неделимое: но, с одной стороны, земное в его составе обращается в общую сумму жизни, а с другой стороны, существуют особые науки для того, чтобы рассматривать отношение вещей к растительному и животному бытию вашего организма; следственно, для Философии Природы достаточно будет сообразно сделанному нами разделению показать более важные средства и очевидные препятствия к развитию и удовлетворению благороднейших потребностей человеческого духа.

Глава I

О средствах, которыми Природа способствует разумным тварям к достижению их последнего предназначения

О средствах приуготовительных. – О средствах прямых. – О средствах, располагающих человека к нравственному усовершению. – Аналогическое заключение от земли к другим мирам

Средства, которыми Природа ведет человека к последней цели его бытия, различны. Впрочем, все они могут быть разделены а) на *приуготовительные*, б) *прямые*, и с) *располагающие к нравственному усовершению*.

а) К *приуготовительным* средствам должно отнести образование организма человеческого и развитие органических способностей, от которых бессмертный дух наш находится чрез всю земную жизнь в большой зависимости.

Начало, из которого происходит человек, есть капля жидкости, состоящая из кислотвора, водотвора, углетвора и селитротвора, капля, которая одушевлена жизненною силою отца и матери. В первое время своего бытия она постепенно растет, как минерал; потом от поглощения жидких частей всасывающими сосудами огустевает и представляет, в виде движущейся точки, мешочек наполненный буровато-красною жидкостью, от которого в последствии, подобно нитям, протягиваются сосуды, содержащие такую же жидкость. В этом периоде образования животный зародыш есть не что иное, как растение, пускающее свои ветви во все стороны. Но жизнь, сообщенная семени человеческому, не есть одна только растительная. Она развивается еще более, так что в половине беременности зародыш принимает форму человека, и получает способность двигаться целым телом, хотя движение его мало отличается от движения полипа. Наконец, при дальнейшем развитии растительно-животного организма начинает образовываться нервная система и мозг. Таким образом, тело человеческое проходит все степени развития Природы и после всего начинает жить особо, как целый мир, повторенный в неделимом (микрокосм).

По причине многосложности организма человеческого необходимо, чтобы он созрел не в короткое время, а продолжительность полного развития его в соединении с многочисленностью органов ручается за совершенство и превосходство его над всеми прочими организмами. И действительно, как много тело человеческое превосходит изящностью форм своих тела всех прочих животных, так далеко по сравнению с ними оно остается на пути развития. Искра жизни, зароненная в семя его, разгорается медленно, и не скоро делается способною полновластно управлять организмом своим. Младенец является на свет с одним инстинктом или природным влечением, которое столь же неопределенно, как мягко и удобно ко всем изменениям его тело. Но мало-помалу этот инстинкт начинает становиться явственнее и раздельнее, по мере того, как начинают удовлетворяться его потребности. Дитя, по естественному побуждению, бросает взоры свои на окружающие его предметы и открывает уста для принятия пищи. Это первое сообщение человека с внешнею Природою сопровождается раздражительностью нервов и удержанием тех впечатлений, которые рождаются от внешних предметов. Таким образом инстинкт, первоначально не обнаруживающийся ни в чем, как только в некотором, внутреннем ощущении младенца, начинает проявляться во внешних чувствах и памяти. Беспрекословное удовлетворение нуждам животной природы вызывает новые потребности, сообразно которым чувство принимает различные видоизменения. Оттуда происходит ощущение жажды, голода, страха, удовольствия и огорчения, попечение о развитии тела, познание здоровья, и все то, что на обыкновенном языке именуется голосом сердца. Как бы благоговей пред особою человека, Природа в чувственных нервах ограничила свое полновластие сердцем и уступила для свободы человеческой благороднейшую часть организма – мозг. Нет сомнения, что между мозговыми нервами и теми, которые находятся во внутренностях организма, разделяясь на узлы (*ganglia*) и сплетения (*plexus*), есть самая ближайшая связь. Но первые могут быть напряженными и ослабленными по произволу нашему, а последние беспрерывно поддерживают деятельность растительных систем и непосредственно не зависят от воли нашей. Посему цвет индивидуальной жизни созревает с полным развитием мозга.

Что же представляет нам опыт с этим окончательным развитием органического царства в особе человека? Дабы яснее видеть истину, мы должны прежде всего сказать о законе постепенного развития планетной жизни, по которому оказывается, что чем сложнее и благороднее организм, тем высшие в нем заключаются способности. В царстве растительном повторяется все, что находится в неорганическом, и прибавляется нечто новое, составляющее переход к насекомым. В царстве животном опять повторяется все, что находится в природе неорганической и насекомых, с присовокуплением, впрочем, новых органов и способностей. И здесь между животными какое разнообразие! Одни из них сообразно органическому устройству

представляются кроткими, простыми, другие дикими, хитрыми, так что память, смыслённость, низшее или опытное сознание, по которому одно существо различает себя от другого, и произвол в действиях у многих весьма из них очевидны. Перейдем теперь к организму человека, который по своему телу принадлежит земле, как всякое животное, и, следовательно, подчинен закону постепенного развития общей жизни. В телесном составе находится сходство со многими животными; но его сердце и мозг, его нервы и все внутренности несравненно превосходнее в качественном отношении, нежели у всех прочих животных. В самой наружности его замечаются многие особенности, каковы суть: прямоотвесное хождение на двух ногах, свободное положение рук, нагота кожи, глаза с параллельными осями зрения, нос, выдавшийся во всей его длине, зубы разнообразных форм, язык весьма гибкий и поворотливый, лицевые мышцы, составляющие физиономию. После всего этого, если никто не вправе ожидать с полным развитием организма человеческого новых планетных способностей, нежели какие находятся в животных, то по крайней мере те способности, которые существуют в последних, в человеке по общему закону Природы должны обнаружиться во всей своей полноте и во всем совершенстве. Так и бывает с человеком, при полном власти животного инстинкта в мозговой его системе. По тому же самому побуждению, которое прежде нудило младенца к тем или другим ощущениям, отрок сознает себя отличным от всех внешних предметов, помнит о них, избирает их по своему произволу и является в полном значении слова смыслённым. Итак, способность чувствования, память, рассудок (*intellectus*) и воля (*volunta*) суть дары, которыми Природа нас награждает вместе с развитием организма.

Правда, что все эти способности не много возвышают наш род пред прочими животными; ибо при помощи рассудка, обращающегося в одном кругу видимого мира, мы не могли бы прийти к мысли о духовном мире, равно как при животном сознании и выборе тех или других действий нам не пришла бы на ум никакая идея о начале и источнике добра, непостижимом для чувств. Но мы должны смотреть на земные силы души как на средства, которыми Природа приготавливает нас к познанию самих себя. В то самое время, как инстинкт животный развивается в организме человеческом во всей полноте, человек, входя в душу свою, сознает в ней нечто высшее и благороднейшее, нежели все потребности чувственной природы: это закон нравственный, обязующий его стремиться к безусловной истине, бесконечному благу и невыразимой красоте. Здесь только вполне объясняется для человека, что значит иметь разум (*ratio*), свободу (*libertas*) и дар творчества (*genius*), хотя давно он мог усвоить себе эти способности, по слуху. Здесь только раскрывается глубокий смысл слова **Я**, несмотря на то, что оно известно бывает нам еще с детства. Здесь только наконец делается понятным, что Природа, наделяя нас многими способностями, является служительницею горнего мира.

В самом деле, что случилось бы с нашим врожденным предрасположением к жизни разумно-свободной, если бы оно не было развиваемо Природою! Что было бы со всеми высокими потребностями нашего духа, если бы они не были освещены лучом высшего сознания, возникающего только с раскрытием органической жизни? Зерно не может восходить и прозябать без почвы; дух не может развиваться без способностей плоти. Надобно, чтобы человек научен был Природою противопоставлять себе предметы внешние; надобно, чтобы явления, происходящие как во внутреннем, так и во внешнем мире, он мог при помощи низшего сознания приводить в единство: тогда только он способен ощутить себя в душе существом не только органическим, но и нравственным. Так Природа и ведет его путем раскрытия органических способностей к сознанию благороднейших, духовных потребностей. Мало того, она вводит бессмертный наш дух в недра свои, раскрывает пред нами свои бесценные сокровища и доставляет средства, сообщив нам рассудок и произвол, пользоваться ими для своих высших целей. Таким образом, сколько удобств пашей свободе открывается к развитию в земной жизни небесных помыслов и стремлений духа! Сколько явлений представляется в видимом мире, которые невольно возвышают бессмертную мысль нашу от видимого к незримому!

б) Впрочем, Природа не только пробуждает в человеке высшие потребности духа, но и способствует удовлетворению их, хотя жажда истины, блага и чистейших удовольствий в нашей душе бесконечна, потому что в утолении её состоит вся цель нашего бытия. Но, несмотря на то, при естественных средствах мы частью 1) научаемся истине, частью 2) находим обязательства следовать ей, и, наконец, 3) частью можем вкушать чистые удовольствия. Эти средства, по причине ближайшего их отношения к последним целям нашего бытия, можно называть *прямыми*.

1) Врожденное стремление разума к истине само в себе бесплодно. Если бы разум мог созерцать предмет своего стремления без всякого посредства и в первоначальном его источнике – существе Премудром, тогда жажда ведения не была бы для него томительна. Но поскольку человек облечен формами чувственности, которые ограничивают полет духа в невидимый мир, то непосредственное созерцание истины в настоящем состоянии для него невозможно, и предрасположение к ней само в себе рассматриваемое остается в душе органической, как семя на чужой почве. Что же делает Природа? Она прививает это небесное семя к земным способностям, и отсюда происходит ветвистое древо познания, которое, утверждаясь корнем своим в мире чувственном, касается вершиною мира духовного. Земля и небо, видимый и невидимый мир, – все обращено в предмет человеческого исследования. Посредствующим органом разума в изыскании истины служит рассудок, коего назначение состоит в том, чтобы, оплодотворяясь фактами, входить с ними в область чисто идеальную, или лучше принимать из неё всегда готовый элемент сверхчувственного и развивать его при по-

мощи опыта. Посему ни так называемые естественные знания, которые состоят из соединения разнообразных фактов, ни логические дробления и сложения понятий, ни все науки и искусства, в совокупности взятые, не составляют истины самой в себе, которая существует вне всяких условий. Это суть только органы, в которых более или менее истина обнаруживается. Отсюда видно, в каком смысле Природа удовлетворяет требованию истины, так сродной нашему духу. Разум стремится к чему-то чисто духовному безотчетно и безусловно, – вот всё, что в нем первоначально находится. Но в чем состоит это стремление, к чему оно влечет нас, какие существуют средства к удовлетворению его, самое приложение найденных средств к делу определяется только при помощи способностей, сообщенных нам Природою. Таким образом, мера удовлетворения врожденной потребности истины, которое мы получаем от Природы, заключается в сумме всех истин, развитых в сознании настоящих поколений человечества. Хотя эта сумма не велика и досталась человеческому роду чрез многие столетия, но тем не менее мы находим в ней пищу для своих познавательных способностей, и если жажда нашего духа возникает с большею силою после некоторого удовлетворения ей, то не по иной причине, как по предназначению нас для вечности. Истина в себе навсегда останется для нас идеалом; но приблизить к уму некоторые черты её под формами человеческого мышления, найти факты, в которых они, так сказать, воплощаются, без сомнения есть торжество для человеческого разума.

2) Не надобно, однако, забывать, что истина сама в себе есть высочайшее благо и красота; следственно, чтобы сродниться с нею и соединиться сколько можно теснее, должно иметь сердце чистое, не растленное страстями. Вот почему Сократ не полагал никакого различия между знанием и добродетелью. Постигнуть всю цену истины и быть злым, – это верх развращения. Ибо если земные предметы с отличными совершенствами привязывают нас к себе и пленяют так, что для снискания их или единения с ними мы готовы делать все, чего от нас требуют, то как должна привязать к себе сердце наше бесконечно-совершенная истина, которая хочет соединиться с духом нашим под условием подражания нашего святости и красоте её. Как должны мы, любя правду, осторожны быть на каждом шагу жизни, чтобы не презреть голоса истины, который непрерывно внушает нам следовать по пути добродетели? Это побуждение свободы человеческой к нравственно-доброй деятельности есть самое возвышеннейшее, самое чистейшее и вместе самое сильное. Любить истину для истины и подражать её совершенствам, потому что она совершенна, есть благороднейшее и самое бескорыстное начало нравственности. Но это начало деятельности заимствуется из идеальной области души, а самые действия совершаются в мире опытном. Притом сколько оно обще, столько дела человеческие в обыкновенном быту частны и многосложны. Каким же образом из выпяченного мира благо низвести в опыт и приложить ко всем поступкам че-

ловеческим, во всех состояниях людей и во все времена их жизни? Здесь ничего не могли бы мы сделать, если бы Природа не дала нам рассудка. В нем только заключается средство к тому, чтобы приблизить совершенства истины к нашему сердцу и расположить ими к добродетелям, чрез которые можно надеяться соединения с нею. Посему-то люди, коих рассудок занят более житейскими сделками, нежели развитием в сознании высших потребностей духа, обыкновенно бывают неспособны водиться в нравственной деятельности своей побуждениями, заимствованными от внутреннего достоинства истины.

Но для таких людей много в Природе других побуждений к добру, которые хотя невысоки по нравственному характеру, однако, тем не менее, действительны. Сюда относятся преимущественно здравие и расстройство телесное, к которым не могут быть равнодушны смертные, привязавшие себя к земле. Равным образом многие явления физические, угрожающие или благоприятствующие выгодам человека, служат для него громкими проповедниками доброй нравственности. Самое обращение к нравам животных может доставить побуждения для многих добродетелей. Лютость, столь свойственная многим из них, не должна ли заставить человека быть милосердным, снисходительным и ласковым? Инстинкт любви, по которому самка и самец берегут детей своих, или одно животное охраняет другое, не должен ли внушать людям обязанность тщательнейшего воспитания детей своих, или взаимного вспомоществования в нуждах? Так все в Природе настроено к пробуждению в нравственных существах благих помыслов и желаний.

3) И если бы в самом деле люди не только не желали, но и не помышляли о зле, не раем ли был бы этот видимый мир? Для человека невинного каждая вещь есть очевиднейшее обнаружение радостно-творного присутствия Божия. Гром есть голос Бога, свет – риза, которою Он облачается и которую набрасывает на мрачную ночь, звезды суть воинство небесное, ветры – слуги Царя небесного, и дожди и облака возвещают следы незримого шествия Божия. Словом сказать, каждый проток воды, каждый цветок, благоухающий в поле, каждый куст, осеняющий путника своими листьями, дает чувствовать невинным душам неизъяснимую радость. Что же сказать о всей Природе? Одна мысль, которую она внушает о величии Создателя, обитающего в своих творениях, должна удалить от нас все злые помыслы и пролить в сердце трепет благоговения. Кто испытал священный восторг при созерцании неба, тот может представить, как высоко блаженство, которое доставляет человеку Природа своими величественными явлениями. В эти минуты бессмертный дух наш отрешается мыслью от всего земного и погружается в одно небесное; он стоит на пороге вечности, превращается весь в око и слух, теряется в бесконечном пространстве миров, чувствует себя ничтожным пред Создателем мира и вместе сознает свое достоинство. Са-

мая грусть, которою растворяется взор ваш в небо, для сердца отрадна. Она говорит сердцу: там твои надежды!

Мы видели, как Природа ведет человека к назначению его чрез приуготовительные и прямые средства. Теперь посмотрим, как к той же цели она располагает человека 1) через различные возрасты жизни, 2) через темпераменты, 3) через разделение полов на мужеский и женский, и, наконец, 4) через общественный быт.

1. Нравственное усовершенствование и происходящее отсюда счастье человека предполагает ряд многочисленных добродетелей, в которых по слабости нравственной мы укрепляться можем только постепенно и преемственно. Для этого весьма много способствуют различные возрасты жизни. Если младенчество человека проходит во сне, попечении о пище и игрушках, причем обнаруживается душевное ощущение без сознания, то, с другой стороны, отроческий период времени не может не благоприятствовать добрым впечатлениям на мягкое сердце возрастающего дитяти. Присмотритесь к особенностям этого возраста, не напрасно в нем строение членов телесных делается соразмернее, кровообращение правильное и чувственная деятельность сильнее; не напрасно черты лица принимают большую выразительность, члены тела получают большую крепость и величину. В отрочестве человек начинает понимать и судить, хотя совершенно по-детски. Переимчивость и острота памяти, ревность к похвале и охота к механическим упражнениям суть сильные его движители. Он готов слушать все рассказы, особливо которые отличаются чудесностью или какими-либо странностями. Для него все так ново в обыкновенном кругу людей, все так занимательно, что непременно стоит внимания. При столь невинном расположении и нежности души как легко могут напечатлеться в памяти отрока по крайней мере коренные начала нравственности! Эта детская простота, с которою он вверяется другим и слушает их советы, кажется, должна внушить всякому наставнику осторожность в словах и благоразумие в поступках.

Доставив случай человеку в отрочестве приучиться к добру и вкоренить в мысли спасительные уроки как бы из предосторожности и для запаса, Природа вводит его постепенно в юношеский возраст. Теперь все органы и системы тела, – мозг, гортань, грудь, легкое и таз – развиваются в полной мере. Совершенный статный рост, зрелость физических сил, свежесть и красота лица составляют особенную принадлежность юношеского организма. Опасайтесь за того юношу, который в детстве не был наставлен ничему доброму, привык к обманам, притворству и капризам. Свобода его должна обратиться в необузданное своеволие, чувства в страсти, ум в искусство изобретать удовольствия и прикрывать свои проступки благовидными предложениями. Цвет невинности скоро заблекнет на щеках его, огонь в глазах погаснет, физиономия потеряет свою прелесть, и лицо покроется мертвою бледностью. Но, с другой стороны, как роскошна и привлека-

тельна юность того человека, который с ранних лет получил истинное настроение ко всему возвышеннейшему и благородному. Пылкое воображение, пламенное чувство, твердый и тонкий ум вызывают его на обширное поприще деятельности. Обширные планы и предприятия нетерпеливо им приводятся в исполнение. При незнании света, надежды на людей оживляют его восторгом, и мрачное будущее рисуют ему в радужных цветах счастья. Он чувствует себя ко многому способным, является неутомим в трудах и охотно отважится на такие подвиги, которые требуют большого самопожертвования. Находя себя пригожим и владея своими чувствами, он любит всех, но никому не отдает сердца своего, кроме единственного предмета, с которым соединяет его закон. Скрытность, продолжительная злоба, скупость и равнодушие к важным происшествиям в юноше неестественны, хотя иногда и бывают. Как бы то ни было, только Природа совершенным развитием сил душевных и телесных в полной мере благоприятствует человеку упражняться во всех родах добродетелей.

Впрочем, не должно страшиться, что весна жизни кратковременна, что в сладостных надеждах и ожиданиях мгновенно приближается новый период жизни. Правда, мужеский возраст приносит с собою оскудение сил физических и вместе с ним упадок в бодрости духа; зато действия, совершаемые в юношестве с рвением и поспешностью, иногда вредными, в мужестве производятся со спокойным размышлением, при котором рассудок успевает обозреть все способы к достижению предполагаемой цели. Опытность, твердость в поступках и поддержание общественного о себе мнения, составляют отличительные черты мужеского возраста. Благоразумный муж не увлекается, подобно юноше, вихрем света. Напротив, при исполнении своих обязанностей, в удалении от света, он обзревает прошедшие действия и не упускает из виду будущих обстоятельств своей жизни. Внешность вещей для него потеряла уже прежнюю цену; мир, с беспрерывными своими превратностями, не привлекателен; в этом осеннем периоде жизни своей он существует не столько для себя, сколько для своего семейства. Устроив счастье своих детей или родных, рассудительный муж, по естественному влечению возраста, устремляет взор свой в мир невидимый, и там надеется для себя снискать благополучие. Религия, которая прежде составляла для него священную потребность разумной природы, теперь делается единственным прибежищем в предстоящих искушениях и скорбях. Кто таким образом входит в свое положение, повинуюсь законам органической Природы, которая воспитывает человека для неба, тот не может не укреплять себя в добрых мыслях и чувствах, не может не увеличивать суммы добрых дел, которая по совестном исследовании всегда оказывается бедною.

Между тем время течет и незаметно приближает мужа к старости. «После пятидесяти лет плодотворная деятельность организма значительно умалывается, а после шестидесятого года все телесные отправления более или

менее ослабевают, – по различию телосложения, рода жизни, внешних обстоятельств и внутреннего состояния тела. Плотные части отвердевают, жидкие сгущаются, жизненный огонь гаснет, движение членов происходит весьма уже нескоро, сон краток, чувства тупеют, дыхание стесняется, и напоследок пищеварение совершается медленно. При упадке питания и слабости растительных действий изменяются как пищеварительные, так и кроветворительные органы: желудок суживается, сердце бледнеет и делается хрящеватым, оболочки легкого срастаются, твердеют, и весь легочный состав расслабляется, мозг умалется и твердеет в своем составе, мозговые оболочки отолстевают, и череп становится меньше. Глазной шар также умалется в его объеме, прозрачная роговая оболочка и хрустальная чечевица делаются менее выпуклы, и водяная жидкость мутна. В ушном лабиринте исчезает влага, нужная для слуха, от того в глубокой старости зависит слепота и глухота, равно как и все чувства во время её притупляются в своих действиях»¹. Вместе с тем в душе старца слабеют все способности, которые составляют принадлежность общей жизни: память изменяет ему, рассудок по временам мешается, воля изнемогает. Вообще существо его, так сказать, свивается само в себя. В полноте жизни своей человек часто страшится смерти и не может сносить мысли о прекращении телесного существования своего. Но (вот одно из сильнейших доказательств высшего происхождения духа человеческого!) тогда как все земное готово обратиться в землю, разумное око старца невольно устремляется в мир духовный, свобода жаждет одного только вечного блага, и нравственное чувство не возмущается при мысли о скором разлучении души с телом. В это время бессмертный дух находится к организму точно в таком отношении, в каком солнечный свет бывает к радуге, изменяемой в яркости цветов и форме по положению лучей его к дождевым каплям. Как изменение и уничтожение радуги не касается самого цвета, так ослабление и разрушение тела не касается самого духа. Таким образом, Природа, в последний раз побуждая человека к нравственному совершенству свитием его органических сил, наконец обращает их в общую сумму жизни, и старец с миром отходит в вечность.

2. С различными возрастами человека весьма тесно соединены различные темпераменты, которые суть не что иное, как результат всех органических отправлений. Часто говорят, что умственная и нравственная деятельность человека вполне зависит от темпераментов и что некоторыми из них свобода души стесняется в своих действиях. Отсюда превратность жизни получает для себя вид законности, по которому совесть перестает

¹ См. «Основное начертание общей и частной физиологии», стр. 475 и 476. Соч. Даниилом Велланским. – *Прим. авт.*

Даниил Михайлович Велланский (1774–1847) – российский философ и физиолог, сторонник философии Ф. Шеллинга. Его работа «Основное начертание общей и частной физиологии» была опубликована в 1836 г. – *Прим. ред.*

обвинять нарушителя нравственных правил. Но в самом деле темперамент, не нарушая свободы человеческой, всегда более или менее благоприятствует действиям, сообразным с предназначением человека.

Сангвинический темперамент, господствовавший в афинянах и между новейшими народами свойственный французам, отличается легкомыслием, непостоянством и неверностью в дружбе, склонностью к удовольствиям и наслаждению жизнью. Но в основании всех этих расположений лежит добродушие и живость, по которой сангвиники обыкновенно принимаются за все с горячностью. Искоренение недостатков и развитие добродетелей этого темперамента, без сомнения, принесут добрые плоды.

Меланхолический темперамент, замечаемый преимущественно в индейцах и немцах, благоприятствует развитию религиозных чувств более, нежели сангвинический. Меланхолик удаляется от шумных забав и веселых обществ; он заключается во глубине своей души; питает склонность к исследованиям предметов почти всегда возвышенных, требующих особенного внимания; в действиях тих, тщателен и неослабен. Его мысли и желания устремляются в мир высший, идеальный; потому что не находят сродной себе пищи в мире опытном. Осторожность, нечувствительность ко внешним обстоятельствам жизни, равнодушное перенесение обид суть обыкновенные свойства меланхолика.

Холерический темперамент, приписываемый итальянцам и испанцам, занимает средину между сангвиническим и меланхолическим. Холерик не столь раздражителен, чтобы трогаться всякою малостью, но и не так нечувствителен, чтобы равнодушно смотреть на все внешние происшествия. Ему нравятся наружный блеск, пышность и великолепие; но, среди всех своих забав, он расположен к занятиям постоянным и требующим глубоких соображений. Его любовь горяча, вечна, но не безрассудна. При счастливом сочетании отличных дарований, холерик чувствует влечение к великим подвигам на поприще, избранном по внушению его таланта. Если он артист, то возбуждает в других благоговение к своим способностям и возвышает искусство в глазах обыкновенных людей. Если он воин, повсюду славится как благоразумный и неустрашимый герой. И среди всех занятий, какого бы рода они ни были, вы найдете в нем, при добром воспитании, истинного подвижника благочестия. Лицемерие, притворство, лесть, клевета, обман и другие подобные пороки для людей с великодушным холерическим темпераментом кажутся самыми презренными.

Флегматический темперамент, господствующий в голландцах и англичанах, по-видимому, самый неблагоприятный для трудных подвигов, которых требует нравственное совершенство. Флегматик любит телесный покой, бездействие, долгий сон и роскошь в пище и питии. Во всех поступках его видна какая-то холодность и излишняя медленность. Убийственное для сангвиника равнодушие простирается у него до крайности. Ни особенная радость, ни горькая печаль, ни пламенная любовь, ни жестокая

ненависть в сердце флегматика неуместны. Но медленный в суждениях и хладнокровный в поступках своих, он много выигрывает ожиданием, терпением и постоянством, не предаваясь ни легкомыслию, ни страстям. Эти свойства производят то, что флегматик, по естественному своему настроению, в правилах Святой Веры всегда постоянен и непоколебим, хотя бы в доказательство святости их он принужден был пожертвовать всеми драгоценными благами.

Но если бы темпераменты, каждый в собственном качестве, и не благоприятствовали нравственному развитию духа человеческого, то должно помнить, что ни один из них и ни в одном человеке не находится без смешения с другими, в своем оригинальном знаменовании. Обыкновенно бывает, что все темпераменты соединяются в каком-либо одном преобладающем. Так, сангвинический темперамент не может существовать без слияния с холерическим, как наслаждение без деятельности; а меланхолический – без смешения с флегматическим, как склонность к уединению без равнодушия и беспечности. Даже те самые темпераменты, которые почитаются противоположными между собою, не могут находиться в человеке один без другого. Проницательный взор видит в смерти жизнь, как в частных страданиях общее наслаждение, и наоборот, в жизни смерть, которая нередко приходит к нам под мрачным покрывалом печали, отравляющей прелести земного существования. Отсюда рождается взаимность между наслаждением и уединением, между деятельностью и равнодушием ко всему. Сколько известно по опыту, слияние темпераментов в людях весьма разнообразно; но поскольку оно не есть следствие каких-либо причин случайных, а имеет свое основание в существе органической природы неделимых и её отношений к психическому бытию людей, то остается заключить, что каждому относительно нравственного образования благоприятствует тот темперамент, который он имеет, и что вне этого темперамента, естественного ему, он был бы существом жалким.

Что касается до преобладания в известных лицах одного темперамента над всеми другими, то с ним Природа премудро соединила разнообразие талантов. Доказательство этого разнообразия заключается в бесчисленных отраслях науки и искусства, которые все находят для себя ревностных поборников, полагающих верх своего счастья в защите достоинства их и непрерывных усовершенствиях. Почему стараться о перемене одного господствующего темперамента на другой было бы заблуждение. Единственное попечение человека для сохранения естественной физиономии души должно состоять в том, чтобы не расстроить гармонию между талантом и темпераментом.

Ибо талант, разделившийся с темпераментом, разрывает сам себя и остается бесплодным. С другой стороны, темперамент, при небрежении естественным даром, теряется в крайностях, так что наслаждение сангвиника доходит до ненасытной жадности, деятельность холерика – до изнеможе-

ния, меланхолия превращается в убийственное отчаяние, флегматизм – в грубое бесчувствие. Способ согласования таланта с темпераментом один – добрая нравственность. Чем совершеннее у кого нравственность, тем в большем согласии находится естественный дар с темпераментом. И наоборот, чем в большем согласии находится естественный дар с темпераментом, тем удобнее может совершенствоваться нравственность.

Таким образом, темпераменты, с какой бы стороны мы на них ни смотрели, благоприятствуют развитию в нас добрых помыслов и религиозных чувствований.

3. Новое и сильнейшее побуждение к нравственному возвышению человека Природа доставляет чрез разделение полов на мужеский и женский. Это разделение начинается с насекомых и, восходя до человека, во всех родах и классах животных имеет свои особенности. Приглядываясь к нашему роду, можно усматривать, что полнота органического совершенства выражается у мужчины преимущественным развитием мозга, а у женщины – сердца. Сообразно этому основному различию полов, у первого все тело устроено для больших трудов и перенесения опасностей. Высокий рост, крепкие кости и мышцы, большая голова, открытый вид и величественный стан, – все показывает, каков должен быть мужчина. У последней, напротив, все члены слабее и меньше, из чего видно её преимущественное назначение для жизни семейственной. Необыкновенная раздражительность нервов и особенная чувствительность сколько в мужчине не естественны, столько в женщинах обыкновенны. Но как тот, так и другой пол, в отдельности взятый, несовершенен, односторонен в развитии организма. В мужчине недостает чувствительности женщины, в женщине – крепости и сил мужчины. Очевидно, что, по назначению Природы, оба они должны составлять как бы один совершеннейший организм, с полным развитием мозга и сердца. Женщина, говорит один из наших Физиологов, есть цветок, сокрытый в почке, развивающейся только для возлюбленного её. Мужчине после этого остается, по нашему мнению, быть свежим и тонким воздухом, чтобы проникать и живить цветок, который сам для него распускается.

От органической разности между мужеским и женским полом естественно происходит то, что одному из них более свойственны одни наклонности и расположения, другому – другие. Мужчину не занимают предметы, относящиеся к домашнему порядку, чистоте и опрятности, как женщину; он преимущественно увлекается деятельностью па поприще государственных обязанностей, возложенных на него или самим принятых, и приходит к подруге своей после трудов вкушать отраду спокойствия. Женщине, напротив, не свойственно вмешиваться в дела гражданские, которые требуют больших соображений и твердой головы. Главное занятие её должно состоять в домашнем воспитании детей своих. Мужчина действует более по уму или размышлению и воле, а женщина по чувству и склонности. Первый, жертвуя всем, удерживает за собою самостоятельность, столь необходимую

для него; последняя, предаваясь существом своим мужу, старается особливо о том, чтобы нравиться ему. Мужчина, по самому значению своего пола, должен быть мужествен и неустрашим; женщина, при естественной робости и стыдливости, должна предпочитать всему скромность и целомудрие. Это различное настроение душевных сил в двух полах, хотя не препятствует быть отлично добрыми ни одному мужчине, ни одной женщине, однако ограничивает круг деятельности их известными пределами. Торжество добродетели является там, где муж и жена соединяются союзом нравственного совершенства. Печать этого союза заключается в любви, которую Природа вложила в того и другую, без сомнения, не для другой цели, как для общего блага и счастья людей, особенно соединенных теснейшими связями и ближайшими отношениями.

Если вникать в назначение полового разделения, то откроется, что Природа и здесь не забыла внушить человеку его обязанности. Одна мысль о плоде брачного союза сколько должна породить чувств и волнений в душе супругов, может быть, неприятных для суетности человеческой, зато нравственно добрых! Быть отцом? Быть матерью? Какой глубокий смысл заключается в этих словах! С ними неразрывно соединяется представление о счастье или несчастье того существа, которому суждено Провидением познать жизнь и участь которого первоначально находится в полной зависимости от родителей. Между тем так легко разрушить благополучие детей: неосторожность матери в пище и питии, сильные страсти, нечистые пожелания, уродливые картины воображения, каждый шаг неправильно сделанный, каждый поступок необдуманый производят более или менее вредное влияние на плод супружеского союза, носимый под её сердцем. Но это еще только начало опасностей, которые угрожают младенцу. Воспитание его есть такой предмет, который заставляет призадуматься над собою самых беспечных родителей. С одной стороны, слабость детской организации и способность её ко всем изменениям вынуждают страшиться за здоровье и жизнь дитяти. С другой стороны, предлежит еще большая опасность, чтобы с молоком материнским не сообщились ему многие дурные наклонности и привычки. Во время первоначального развития сил душа человеческая так нежна и так чувствительна ко всем впечатлениям, особливо материнским, что они врезаются в самую глубину её и составляют семена, которые, при развитии воли, никогда не остаются бесплодными. По обыкновенной слабости нашей природы зло скорее перенимается от других, чем добро. Один дурной пример, одно соблазнительное слово или неосторожное согласие на неподобающий поступок, – и склонность к пороку водворяется в юном сердце. Кто с этой верной точки зрения станет смотреть на брачную жизнь, тот согласится, что быть истинным мужем и истинною женою значит отказаться от суетных приличий света и жить сообразно с правилами Святой Веры.

4. По размножении человеческого рода, естественные нужды, касающиеся частью физического, частью духовного состояния людей, заставляли их постепенно разъединяться между собою и распространяться по лицу земли. Отсюда произошли различные общества, из коих каждое имело или имеет свой дух, свои законы и права для граждан. Нужно ли говорить о пользе общественной жизни? Сознание человеческого достоинства и чувство свободы, науки и искусства, выгоды жизни и домашний покой суть плоды цивилизации. Только в гражданском быту человек вступает в свою собственную сферу, как существо разумно-свободное; и Природа охотно здесь уступает ему права разумных существ, предоставив его благоразумию руководиться теми или другими законами и извлекать для себя из различных обстоятельств и потребностей жизни те или другие правила, чтобы сообразоваться с ними в деятельности. Но, уступив надлежащие права своему сыну, попечительная мать-Природа удерживает за собою право требовать от него доброго их употребления. Уважение этого права сопровождается благоденствием царств, а пренебрежение им неминуемо влечет за собою общественные бедствия, всегда оканчивающиеся разрушением политического организма народов. Как те, так и другие следствия очевиднейшим образом оправдались на Греции и Риме; а после Вавилона, который так славен был в древности, не осталось никаких следов его существования. Таков естественный порядок вещей в мире нравственно-политическом, и, должно сказать, вполне достойный попечительной Природы. Если где, то в нем весьма ясно открывается, что Природа воспитывает на земле человечество для неба.

Поскольку на земле все органические силы и физические законы направлены к нравственному усовершенствованию и счастью человека, то можно предположить, что и все планеты, составляющие дивную систему мироздания, имеют между прочим целью развитие нравственно-добрых потребностей в существах разумных. Правда, заключение от такой части мира, какова наша земля, к целой Вселенной может казаться слишком поспешным и мало заслуживающим вероятия; но если не может быть ничего достойнее Творца и возвышеннее для тварей, как бесконечное усовершенствование их и блаженство; если притом наша планета, которая составляет не более атома в целой системе мироздания, получает в человеке нравственное значение; то ужели несметное множество миров существует без высших целей? Ужели назначение их ограничивается тем, чтобы рассеять мрак ночи и усладить взоры наши? Сомнение в существовании, кроме человека, других разумных обитателей Природы, облеченных более или менее тонкими формами чувственности, в наше время не многим может казаться справедливым; самый простой взгляд на мир подтверждает мысль противную. Органическая жизнь не может составлять принадлежность одной нашей планеты, которая в ряду всех систем солнечных, составляющих Вселенную, исчезает как капля в океане. Сообразнее с разумом думать, что весь

мир есть одно стройное органическое, и земле нашей предназначено быть в нем малым органом. Но если и в этом небольшом органе обнаруживается разумная жизнь, то можно ли воображать отсутствие её в остальных частях беспредельного организма Природы? Одно уже это чувство, одушевляющее нас, при внимательном взоре на небо, это желание разрешиться от форм пространства и лететь в высprenние миры, не доказывают ли, что там есть нам братья, принимающие участие в нашей бедственной доле? Кроме того, когда все показывает и превосходство нашего духа над всеми земными творениями и нашу близость к ним по чувствам и желаниям души, отрадно и вместе необходимо предположить ряд существ разумных, более приближающихся умственными и нравственными качествами к своему Создателю. Какое убийственное чувство овладело бы сердцем нашим, если бы мы в необъятном мироздании видели одни огромные массы вещества, движущегося по неизменным законам, и среди всех этих масс обитающего в части вещества одного человека, который неверен своему предназначению? Как мрачен был бы наш взгляд на Вселенную, если бы мы видели в ней сколько богатства и разнообразия в жизни неразумно-органической, столько же бедности и однообразия в существах разумно-свободных! Нет; Творец, бесконечный по существу своему и совершенствам, не мог ограничиться созданием человека, точно так же, как Он не ограничился сотворением одной Земли. Бесконечное может вполне проявить свои совершенства только в бесконечной постепенности разумных творений.

Допустив бытие разумных существ на других планетах, как на Земле, и утвердивши, что эти планеты имеют между прочим целью нравственное возвышение своих обитателей, подобных нам, нетрудно показать, каким образом Природа способствует развитию в них религиозных потребностей. Если существа, обитающие в небесных жилищах, облечены телесным организмом, как бы он тонок, духовен и *бестелесен* по отношению к нам ни был (иначе нельзя представлять бытия тварей, которые по самой природе своей не могут существовать вне условий пространства и времени), то органические способности, без сомнения, составляют для них, как и для нас, первое и самое важнейшее средство к развитию и усовершенствованию духовных сил, по происхождению своему не принадлежащих ни какой планете. Чувственный организм, как бы его ни представляли, предполагает ограничение высших способностей духа, по причине которого разум не может непосредственно созерцать истины и свободно безусловно стремиться к благу. Поэтому-то все существа конечные познают истину, если она не открывается непосредственно Существом Бесконечным, только при помощи рассуждения и совершают нравственно добрые действия на выбор из многих. Само собою очевидно, что это рассуждение и этот выбор, судя по степеням совершенства разумных тварей, для одних должен быть удобнее, для других если не труднее, по крайней мере, опаснее. Что касается до первоначального развития органических способностей в небожителях, то у нас нет данных,

на основании которых можно бы было сказать о нем что-нибудь с достоверностью. Тем менее мы имеем право прилагать к обитателям других миров средства, *располагающие* человека к нравственному усовершенению, потому что они суть такие явления, которые могут почитаться особенностями нашей планеты.

Глава II

О душевных болезнях

Цель рассуждения об этом предмете и части исследования. – Понятие о душевных болезнях. – Разлитые роды душевных болезней. – Болезни ума. – а) Умоисступление. – б) Безумство. – Болезни сердца. – а) Меланхолия. б) Манья, или бешенство. – с) Смертонеистовство. – Причины душевных болезней. – Телесные причины душевных болезней. – Психические причины душевных болезней. – Отношение магнетизма к душевным болезням. – Неосновательность сомнений в существовании магнетизма. – Виды магнетизма. – Общий деятель магнетизма естественного и искусственного. – Изъяснение феноменов естественного магнетизма. – Возможность искусственного магнетизма. – Тождество органических и духовных отправлений в неделимых², поставленных в соприкосновение с магнетизмом. – Условия, без которых искусственный магнетизм невозможен. – Результат всей главы

Из горних, очаровательных миров нам должно перенестись мыслью опять на землю и обратить внимание на тех несчастных, которые, будучи осуждены на страдания душевными болезнями, живут не как существа разумно-свободные, но как рабы необходимости, неведомо для самих управляемые какими-либо сумасбродными идеями. Цель нашего рассуждения об этом предмете состоит в том, чтобы согласить с основною мыслью об отношении Природы к разумным тварям факты, которые, по-видимому, решительно ей противоречат. Но чтобы искусно развязать узел, видимый несообразности их с целями, к которым Природа ведет человека, мы должны, хотя кратко, показать сущность, роды и причины душевных болезней.

Болезнь душевная вообще есть не что иное, как уклонение душевных способностей от нормальной их деятельности. Посему перевес умственных отправлений над отправлениями воли, или рабское угождение ума желаниям сердца, утучнение плоти, зависящее от беспечности души, или совершенное умерщвление, происходящее от излишне-напряженной дея-

² Здесь и далее И. Кедров неделимым называет индивида, т. е. отдельного человека (лат. *individuum* – «неделимый»). – *Прим. ред.*

тельности душевных сил, чрезмерная привязанность рассудка к одним идеям и непреодолимое влечение воли к известным предметам показывают большое состояние души. Но, принимая болезни душевные в этом обширном смысле, мы должны, с Байроном, признать всех людей более или менее сумасшедшими; потому что нет ни одного человека, у которого все способности души находились бы в совершенной и постоянной гармонии между собою и который не имел бы своих любимых идей и несчастных наклонностей. Между тем, по самой всеобщности психических недугов в роде человеческого, странно бы показалось для всякого, если бы кто включил в число безумных человека, не только худо управляющего своими мыслями и желаниями, но даже с решительно дурным направлением ума и сердца. К этому классу жалких собратий наших обыкновенно причисляются те, у которых, по каким-либо особливим обстоятельствам, помрачилось самосведение души, и потому различные оправления способностей не могут быть приведены в единство. Впрочем, и самое помрачение сознания, освещающего лучом своим внутреннее состояние человека, не всегда можно называть безумием, хотя оно необходимо сопровождается потерей владычества свободно-деятельной силы над всеми или некоторыми отправлениями психической жизни. Ни те, кои подвергаются бреду в горячках, ни те, кои безумствуют от вина или от сильных возмущений сердца, не могут быть названы безумными, потому что они лишаются употребления самосознания и свободы лишь на короткое время. Только тех должно признавать психически больными, которые лишаются света самосознания и свободного назначения на долгое время и подвергаются бреду не по каким-либо скоропреходящим причинам. Правда, в продолжение целых лет безумия случаются минуты, когда самосведение, как солнце из-за туч, проглядывает в сумасшедших. Это бывает, без сомнения, тогда, когда в отправлениях организма происходят изменения, благоприятствующие естественным обнаружениям душевных способностей и когда больной чувствует свое внутреннее расстройство и скорбит о своем бедственном положении. Но эти минуты доказывают только то, что есть возможность психически больных возвращать в прежнее здоровье. И так душевная болезнь состоит в долговременном помрачении самосознания и в лишении владычества свободы над всеми или некоторыми отправлениями психической жизни.

Психиатрия, или наука о душевных болезнях, получила начало свое в глубокой древности; но развитие её принадлежит нашим временам. Целые века протекали, как люди, смотря на безумие, более удивлялись ему, нежели старались основательно исследовать, от чего оно происходит и в каких видах обнаруживается. Наконец, любовь к человечеству, чуждая всякого суеверия, и желание оказать помощь несчастным этого рода были причиною того, что начали глубже вникать в свойства душевных болезней; и три формы, известные под именем меланхолии, бешенства и безумия, в которых

сумасшествие излагалось почти до нашего столетия, составляют ныне самую меньшую часть Психиатрии. Так, доктор медицины Г. Бутковский³, принимая в соображение три главных рода душевных действий: умопредставление, чувствование и вожделение, кои имеют ближайшее отношение к мозгу и к узловатой системе груди и брюха, выводит, на началах сообразных этим трем действиям души и органам нервной системы, четыре основные части учения о душевных болезнях. К первой части у него относится расстройство всех трех психико-соматических сфер, коего характер составляет неправильное действие рассудка, чувств и побуждений, оказывающееся в одно и то же время. Ко второй части принадлежит расстройство умственной сферы, коего общий характер есть бред о всех предметах. В третьей части он занимается расстройством чувственной сферы, коего главный характер состоит в неправильном чувствовании, соединенном с бредом о каких-либо особых предметах, Наконец, в четвертую часть его Психиатрии входит расстройство желательной сферы, коего отличительный характер составляют неправильные побуждения с исключительным бредом. Это главное разделение предметов Психиатрии у него еще подразделяется на многие ветви, судя по возвышению или понижению деятельности тех органов, в которых происходит расстройство⁴. Впрочем, не имея в виду тех целей, для которых врачи подмечают все оттенки психических припадков, мы можем рассматривать душевные болезни общее, как болезни ума и сердца.

Душевные болезни, происходящие от расстройства сил познавательных и беспорядка в их отправлениях, суть а) *умоиступление* и б) *безумство*, из коих последнее обнаруживается в двух особых формах – в *помешательстве* и *сумасшествии*.

Умоиступление, сколько можно судить по наблюдениям над больными, подверженными этому недугу, состоит в напряженной и почти непрерывной деятельности воображения, которое увлекает рассудок из мира действительного в мир очаровательных мечтаний. Для умоиступлённого предметы, действующие отвне, как бы не существуют, и если он обращается мыслью своею к миру действительному, то в нем ничего не встречает кроме благоприятных обстоятельств или непреодолимых препятствий к приобретению вожделенного сокровища. Образы вещей представляются ему в тех размерах и формах, какие свойственны одному расстроенному воображению, и не только не привлекают его внимание к существующему порядку Природы и человеческих деяний, но даже помогают воспроизводить в душе любимые им мечты. Эти мечты бывают столько разнообразны, сколько

³ Речь идет о Пётре Александровиче Бутковском (1801–1844), российском психиатре, который получил степень доктора медицины в 1832 г. в Императорском Александровском университете. – *Прим. ред.*

⁴ См.: Душевные болезни, изложенные сообразно началам нынешнего учения Психиатрии доктором медицины Петром Бутковским. С.-Петербург, 1834. Ч. I. С. 42–43. – *Прим. авт.*

многочисленны предметы, к которым человек может быть привязан душою. Но обыкновеннее всего умоисступлённые мечтатели разговаривают с своими возлюбленными, с духами-покровителями или злыми, с которыми они воображают себя в ближайших сношениях, и в своих беседах с неземными существами то смеются, то плачут, то поют, то говорят несвязные речи в стихах, которые-либо сами составляют, либо откуда-нибудь заимствуют. Нередко случается, что в умоисступлении больные стараются скрывать от других свои сумасбродные идеи, толкуя и защищая свои желания, мнения о Религии, политике, науках и т. п. Это признак болезни еще несовершенно вкоренившейся в их душах. С усилением припадков яснее обозначаются предметы, на которых они помешаны, особливо когда оставляют их в уединении и не препятствуют вверять своих мыслей бумаге.

Безумство состоит в превратном образе суждения иногда об одном или многих предметах, принадлежащих к известному классу, а чаще обо всем, что подходит под форму человеческого мышления. Оно отличается от обыкновенных заблуждений рассудка тем, что последний в припадке безумия приписывает вещам свойства, не имеющие к ним никакого отношения и несомненно верит в достоверность своих бессвязных, часто смешных суждений. Низший степень безумия есть *помешательство*, или *сумасбродство*, которое обнаруживается расстройством ума в отношении собственному лицу больного и особливо касательно предначертаний и планов, которые занимают его голову. Посему сумасброды большею частью углублены в самих себя и заняты решением, по их мнению, важных задач, как, например, изобретением новой посылки для силлогизма, или изливают пред другими свои радостные чувства, потому что будто бы им удалось овладеть искусством делать золото, открыть тайну, чтобы никогда не проигрывать в азартных играх, найти удобное средство из сала доставать воск и т. п. Мнимое обладание этими и другими подобными сокровищами весьма часто доходит до того, что одержимые душевным недугом почитают себя императорами, королями, князьями, папами, славными генералами и даже неземными существами; и тогда помешательство их переходит уже в *сумасшествие*. Сумасшедшие от властолюбия чрезвычайно деятельны: они беспрерывно заводят новые сношения с иностранными государствами и ожидают себе от них несметных богатств, стараются о перенесении столиц на выгоднейшие места, строят воздушные крепости, награждают с видом самодовольства всякого, кто, по-видимому, соглашается с ними в мыслях, и наказывают всех, не признающих своей от них зависимости. Даже во внешнем положении больные этого рода стараются поддержать достоинство и важность тех особ, которых имя они безнаказанно на себя принимают. Одежда, распоряжение вещами, которых у них иногда вовсе нет, слова и поступки, все подтверждает, что они хотят надетью на себя маску показывать другим за действительное лице. Вы напомниме сумасшедшему о его состоянии и заключении в больнице, которое делает не-

возможным всякое осуществление мечтательных планов; он в самом деле будет сожалеть о своем настоящем положении, отнесет причину его к недоброжелательству и зависти людей, однако же станет утешаться, по крайней мере, переворотом обстоятельств, имеющим скоро последовать.

К болезням душевным, которые обнаруживаются преимущественно в расстройстве сердечных чувств и расположений, принадлежат: а) меланхолия, б) мания, или бешенство, и в) смертонеистовство. Некоторые относят сюда ипохондрию и истерику как вид ипохондрии, но не совсем справедливо. Ибо эти припадки суть случайные, происходящие от причин кратковременных и более или менее зависящих от свободы, каковы, например, неправильность в диете и сосредоточенное внимание на воображаемых болезнях и близкой смерти. Люди трудолюбивые, не имеющие досуга заниматься неприятными ощущениями своего тела, свободны от тяжких недугов ипохондрии.

Меланхолия обнаруживается в горестных чувствах, происходящих, впрочем, не от таких впечатлений, которые должны оставить в душе постоянную тоску и уныние, но от представлений о каком-либо несчастье, увеличенных мечтательным воображением, и обратившихся в склонность больного. Доколе эта болезнь не развивается во всей полноте своей, страждущий ею не хочет обнаруживать пред другими раны своего сердца, но томное лицо его, некоторая небрежность в одежде, непрерывное молчание и ответы, не имеющие прямого отношения к вопросам, показывают, что сердце его разобщилось с действительным миром, и сроднилось с другим, который по справедливости может быть назван и миром несчастных, убитых тоской мечтателей. Поведение меланхолика, не принимающего участия ни в каких радостях жизни и обнаруживающего большую холодность к самой жизни, весьма странно. Он удаляется от всяких сообществ и разговоров с другими, бежит от людей в уединенные места, чтобы свободнее там предаться своей печали, бродит в рассеянности и без всякой определенной цели по лесам и по полям, любит посещать в ночное время кладбище, особливо если могила приняла в себя предмет его скорби. Иногда он ходит со всею поспешностью, иногда неподвижно сидит или стоит на одном месте, углубившись в самого себя, и вы не услышите от него ничего, кроме невнятных отрывистых выражений и вздохов, исполненных тоски душевной. Так сильно могут овладеть рассудком и волею сердечные чувствования! Наружность меланхолика не менее расстроена, чем самая душа. Лице его бледно, щеки впалые, глаза померкли, волосы разбросаны в беспорядке, в одежде видна вся небрежность о внешнем. Страннее всего то, что убийственная точка меланхолии часто рождается от одних нелепых умопределений. Г. Базили⁵, посещая в Константинополе дом сумасшедших,

⁵ Константин Михайлович Базили (1809–1884) – русский востоковед, путешественник и дипломат. – *Прим. ред.*

нашел одного несчастного, который уверяет всех, что он лишился головы во время бывшего возмущения янычар и более не принадлежит этому миру.

Мания, или бешенство, состоит в сильных порывах больного, не имеющих никакой определенной цели. Обыкновенные действия бешеных суть пронзительный рев и крик, терзание своего тела, брань со всеми встречающимися с ними лицами и готовность вступить с каждым в драку, если не устроят их палкой или другим чем. Во время неистовства одержимых этою болезнью физические силы увеличиваются почти до невероятности, так что суеверие видит в них могущество не человеческое, но бесовское (от чего и произошло наименование бешенства). Еще более в эти минуты извращаются нравственные качества больных. Самые невинные особы, особливо из женского пола, теряют всю стыдливость. Привязанные доселе к родителям или родственникам получают от них отвращение и готовы посягнуть на самую жизнь их.

Непреодолимое стремление убивать других может быть названо *смертонеистовством*, этот род болезни самый ужасный. Надобно видеть, как больной борется с самим собою, прежде нежели решится совершить убийство. Он призывает на помощь религию, чтобы свет её прогнал мрачную мысль, затаившуюся в нем; упрекает себя за столь постыдное желание; хочет каким бы то ни было образом превозмочь в себе смертонеистовство, но все усилия его остаются напрасны. Ужасная мысль об убийстве всюду преследует больного, и является ему менее и менее страшною, так что, наконец, он свыкается с нею как с родною, рассматривает препятствия, которые могут встретиться с ним при осуществлении адского замысла и, приготовив все средства к удалению их, совершает со всем хладнокровием задуманное злодейство, равно как по совершении его побоится повсюду рассказывать о своем поступке. Какое отвратительное зрелище, когда застают отца, убившего в припадке смертонеистовства любимых чад своих, и безумно улыбающегося при взгляде на их трупы, которые еще дымятся кровью! Он радуется, что его малые чада уже не развратятся от господствующих в свете пороков и что, невинные, они наследуют блаженство. Последствия смертоубийства для него также нисколько не страшны; он утешается тою мыслью, что с него сложит тяжкое и неудобноносимое бремя жизни. Одна только черта одержимых болезнью этого рода достойна уважения: они просят находящихся при них удалиться, когда чувствуют приближение припадков своего неистового вождения.

При размышлении о различных родах душевных болезней, из коих мы показали только главные, естественно рождается вопрос: от чего эти болезни происходят в людях? Где заключаются причины расстройства органических сил и психической жизни? В половине XVI века господствовало между врачами мнение, что демон вселяется в человека и производит ду-

шевную болезнь. Но вскоре Григорий Горст (1578–1656)⁶, профессор Виттенбергского университета, заметил всю нелепость этого предположения, и попытался изъяснить сущность и все явления меланхолии по материальным понятиям. По его мнению, причины этой болезни заключаются в особенном меланхолическом соке, в густой черной крови и сухом, жестком состоянии мозга. Следуя примеру сего знаменитого лейб-медика, Захарий Платнер (1694–1748)⁷, лейпцигский профессор, изложил понятие о меланхолии и бешенстве, придерживаясь древних мнений, совершенно материальных. Впрочем, как везде, так и здесь одна крайность не могла быть без другой. Почти в то время, как Горст изъяснял сущность меланхолии из материальных причин, Георг Шталь, лейб-медик короля прусского, выдал систему, где доказывает, что одна только душа, которая созидает и сохраняет тело, есть основание психических болезней. Гипотеза его нашла многих последователей, которые с жаром ее защищали и развивали до тех пор, пока не доведены были до необходимости признать душевные болезни следствием причин не только психических, но вместе и телесных. В самом деле, можно ли представлять организм и жизнь органическую без взаимного влияния? Сколько достоверно, что расстройство души выражается во всех приемах телесных, столько же не подлежит сомнению и то, что перемены телесные сопровождаются изменениями душевными. Отличный пример этих изменений сообщает Mason Cox⁸, говоря об одном сумасшедшем, который при 90 (в минуту) ударах жилобиения находился в бешенстве, при 70 – с полным рассудком, при 50 – в меланхолии и, наконец, при 40 – в полумертвом состоянии. И если трупы больных помешательством не всегда представляют разность в органическом устройстве от обыкновенного, то отсюда еще не следует, чтобы в больных не было расстройства органических отправлений, какие нужны для правильных обнаружений души. Итак, причины душевных болезней заключаются как 1) в организме, так и 2) в психической жизни.

1) Ближайшая телесная причина душевных болезней, по всей вероятности, заключается в неправильном обращении нервной жидкости, которым обнаруживается расстройство, существующее или во всех системах нервных, или в одной мозговой, симпатической, брюшной. Это расстройство может происходить от различных и многообразных влияний на органические силы, между коими важнейшее место занимают: падучая болезнь, разные нервные боли, легочная чахотка, злокачественная лихорадка, излишество в употреблении горячих напитков, яд, изнурение сил, органиче-

⁶ Ошибка. Грегор Горст, немецкий врач и анатом, умер в 1636 г. В своих работах пытался объединить герменевтический подход Парацельса с классической гиппократовской медициной. – *Прим. ред.*

⁷ Ошибка. Умер в 1747 г. – *Прим. ред.*

⁸ Джозеф Мейсон Кокс (1763–1818) – английский врач, изучавший психический расстройство. Медицинскую степень получил в Лейдене в 1787 г. – *Прим. ред.*

ские пороки сердца, ранение головы и пр. Но большею частью, особливо в высшем классе людей, телесное расстройство достается по наследству от родителей. Возраст, в котором чаще обнаруживаются душевные болезни в людях, определяется Г. Бутковским от двадцатого до пятидесятого, и Г. Шульце – от тридцатого до сорокового года.

2) Психические причины всякого помешательства суть или умственные, или сердечные. К первым относится природное тупоумие, склонность к мечтательности, истерика и ипохондрия. Несбыточные планы, в осуществлении коих мечтатели полагают все свое счастье, обыкновенно сопровождаются *сумасбродством*, а воображаемые бедствия, которыми мучатся подверженные ипохондрии и истерике, обращаются часто в *меланхолию*. К последним принадлежат все необычайные волнения чувств и страстей, произведенные печальными событиями и обстоятельствами человеческой жизни. Сколько несчастных страдает сумасшествием от ревности, потерянной любви, нищеты, оскорбления чести, внезапных перемен счастья и т. п. Вообще душевные болезни гораздо чаще зарождаются в сердце, нежели в познавательных способностях, хотя расстройство в чувствованиях сердечных всегда имеет сильное влияние на умственную сферу души. И удивительно ли? Сердце человеческое можно уподобить вулкану, внутренний огонь которого бывает тем опаснее, чем долее не выбрасывается на поверхность земли. Счастлив тот, у кого жгучий пламень сердечных мучений лавою горячих слез вырывается на лице: это знак, что он затихнет. Но если он останавливается в сердце и мало-помалу обнимает все существо души, тогда весь планетный состав человека приходит в сильное расстройство, иногда скоро разрушается.

К душевным болезням относится также и магнетизм, как состояние органической жизни совершенно неестественное и расстроенное. Поскольку же в ученом мире существуют различные мнения об этой болезни, и поскольку факты, прилагаемые к ней, требуют разборчивой критики, то в предосторожность от заблуждений мы будем рассуждать о магнетизме гораздо подробнее, нежели о прочих болезнях.

Ревностные защитники магнетизма повествуют о таких психических явлениях, которые по причине чудесности своей превышают всякое вероятие. Они рассказывают, что подверженные этому припадку узнают, какие нужны лекарства для уврачевания их болезни и когда болезнь их прекратится, прозирают в мысли других, видят предметы, имеющие к ним отношение в странах самых отдаленных, и, наконец, могут изъясняться на неизвестных им языках. Может ли здравый ум подобные бредни принять за истинные факты? И удивительно ли, что многие усомнились в существовании самого магнетизма? Впрочем, злоупотребление какою-либо вещью никогда не подрывает её достоверности. Напротив, ложная монета доказывает бытие истинной. Так и ложные повествования о магнетизме, без сомнения, в основании своем имеют нечто достойное вероятия. Нет нужды,

если наблюдения иногда не подтверждают почти никаких явлений, приписываемых тем, которые бывают подвержены припадкам этого недуга; не всякой раз и не в каждое время известные действия Природы могут давать одинаковые результаты. Довольно того, что число стоящих всякого доверия очевидцев, странных феноменов животного магнетизма, едва ли не превышает класс скептиков, безрассудно отвергающих с бреднями шарлатанства действительность самого предмета, из которого оно сделало злоупотребление.

Известно, что все феномены магнетические суть действия чувствительности не нормальные и не правильные, что все акты чувствительности получают начало свое в системе нервной сердечной и в системе нервной мозговой. Поэтому магнетизм может быть или *естественный*, состоящий в напряжении симпатической системы, или *искусственный*, который обнаруживается в возвышенной деятельности мозга.

Общий деятель как естественного, так и искусственного магнетизма, по всей вероятности, есть электрическо-нервная жидкость, которая имеет особое местопребывание в системе нервной; хотя прикосновение не до нервов и от того происходящее ощущение доказывает, что она разливается в некотором количестве и около нервов. Это летучее вещество стремится прийти в равновесие, беспрепятственно проникает в темные тела и в известных случаях может их сделать светлыми; оно образует около организмов некоторым образом живую атмосферу и может делиться и совокупляться, умножаться и уменьшаться; его можно взволновать вождением руки до того, что в лице потерявшего равновесие эфирной жидкости явно оказывается притяжение или склонность к субъекту, причинившему расстройство и отталкивание тех, которые не стоят в соприкосновении с магнетизёром. Один простой момент, что эта жидкая, летучая материя, потеряв равновесие и прилившись в одну которую-либо систему организма, производит напряжение способностей, достаточен к изъяснению всех феноменов магнетизма.

Во время покоя мозговой системы, как то бывает в естественном магнетизме, электрическо-нервная жидкость у известных лиц с избытком стекается в ганглиях и, поскольку не подчиняется высшим способностям души, естественно может быть причиною некоторых необычайных явлений органической жизни. Таковые явления суть:

1. *Сон, несравненно глубочайший обыкновенного, или того, который предшествует магнетическому состоянию.* Поскольку в состоянии магнетизма внешние чувства находятся в совершенном покое, то и сон, естественно, должен быть самый крепкий. Этот же сон делается легче, когда система симпатическая вступает в органические сношения с мозговою и начинает принимать от ней обратные действия. Тогда бывает состояние полусна, в котором больной, при нечувствительном употреблении внешних органов, понимает говорящих и отвечает на их вопросы. Однако же когда

нервная жидкость возвращается к внешним чувствам и, так сказать, ослабевает от предшествовавшей деятельности, тогда для восстановления сил ей снова потребен глубокий сон. Итак, в первом случае глубочайший сон может происходить от чрезмерного прилива, а во втором от чрезмерного ослабления нервной жидкости в симпатической системе нервов.

2. *Необыкновенное напряжение мускулов.* Во время бездействия внешних чувств иногда электрическо-нервное вещество расходуется из мозга по мускульным нервам, и по силе жизненности бывает причиною таких движений, коих энергия и быстрота превышают почти всякую вероятность. Впрочем, не одно состояние магнетизма сопровождается подобным изменением органической деятельности. Кто не читал или не слышал достоверных рассказов о удивительной силе людей в известных припадках нервических болезней? Исидор Бурдон⁹ говорит об одной женщине, что она пробегала через целый Париж с тяжелою наковальнею на груди, так что кузнецы мерными ударами молотов продолжали свою работу. Это явление, но его словам, неоднократно повторялось и может быть объяснено упругостию воздуха, который удерживался в груди упомянутой женщины, с одной стороны запершимся дыхательным горлом, а с другой сжатием животных внутренностей. В таком случае для груди тяжесть наковальни значит тоже, что для организма человеческого вообще тяжесть давящей его атмосферы.

3. *Совершенство памяти и воображения.* Нетрудно понять, почему состояние магнетизма благоприятствует более воображению и памяти, нежели рассудку и разуму. Последние не столько зависят от материи, сколько первые, коих действия совершаются не иначе, как при посредстве нервной жидкости.

4. *Совершенство внутреннего ощущения, дающее знать больному, что происходит в его организме.* Деятельность электрическо-нервного вещества, переходя от внешних чувств в ганглии, очевидно, должна сделать гораздо живее внутреннюю силу ощущения. Посему неудивительно, что человек в состоянии магнетизма ощущает самые тайные движения внутренних частей тела. Таковое сосредоточение чувствительности внутри организма становится еще вероятнее, если припомнить, что и бесчувственные части его, как, например, волосы, кости и ногти иногда бывают подвержены некоторой раздражительности. Равным образом ресницы, назначенные для преломления солнечных лучей, чтобы не повредилось от них зрение, в известных болезнях не могут сносить без страданий самого легчайшего прикосновения света.

⁹ Исидор Бурдон (1795–1861) – французский врач, член Академии медицины и главный врач департамента Сены. Автор работы «Физиогномика, или наука знать людей по чертам лица и наружным признакам» (1830, рус. пер. 1864). – *Прим. ред.*

5) *Прекращение свободной деятельности духа.* Оно есть необходимое следствие успокоения внешних чувств, которое бывает в состоянии магнетизма. Но поскольку дух ни на одну минуту не может оставаться без всякой деятельности, то для снискания ей пищи он устремляется при посредстве нервной жидкости к сердцу, которое таким образом делается средоточием всех душевных отправлений. И когда все внутренние работы освещаются светотворною жидкостью, как светочем, находящимся внутри тела, в то самое время рассудок принимает впечатления, производимые на него сердцем, и воля вполне подчиняется внутренним ощущениям. Здесь-то получает свое начало магнетический бред, о котором так много толков. Ревностнейшие из защитников магнетизма предполагают, что при освещении органических работ внутри тела нервно-электрическим веществом разум непосредственно созерцает внутренний механизм тела и на основании своих видений угадывает будущие события, особливо те, которые относятся до поправления здоровья больного его организма. Но думать так значило бы допустить, что разум может видеть сокровенный механизм тела такими же очами, какими мы видим колеса часов; ибо в настоящем состоянии нашем это есть единственный способ к приобретению наглядных познаний. Всего вероятнее, что сила внутреннего ощущения, тёмного и неопределённого в самом себе, и мечты воображения расстраивают рассудок, подчиненный им в состоянии магнетизма; и отсюда уже легко рождается в больном бред своею болезнью.

6. *Забвение, по пробуждении от магнетического сна, всего того, что было в нем ощущаемо.* Этот факт доказывает помрачение самосведения в больном, во время припадков его болезни, и легко объясняется возвращением равновесия нервной жидкости, при котором память вступает в свое нормальное состояние деятельности. Так, пробуждаясь от обыкновенного сна, мы часто забываем подробности сновидений, которыми наслаждались в своем воображении, и воспоминаем о них только в целом, и то сбивчиво.

Изяснив феномены естественного магнетизма, нетрудно понять возможность магнетизма искусственного. Та же летучая электрическо-нервная материя, которая находится под влиянием органической жизни и подчиняет себе все способности души, может в свое время покоряться человеческой воле. Мы уже заметили, до чего можно взволновать ее в теле вождением руки. Но этого не довольно; магнетизёр с сильною волею заставляет ее переходить из своей организации в организм другого человека, совершенно подчинившего ему свою свободу, – и вот начало той связи людей, которой примеры хотя редки, но тем не менее достоверные представляет нам история.

Эта связь, или, лучше сказать, это тожество органических и духовных отправлений в двух или многих неделимых, поставленных в соприкосновении с магнетизёром, поддерживается сходством между их организмами,

которое происходит от обобщения нервной жидкости. Будучи соединены взаимным союзом, все они суть не что иное, как части одного целого, управляемые одним общим инстинктом, одушевляемые одними общими мыслями и ощущениями. Движения, болезненные чувства, прихоти и склонности магнетизёра, – всё передается на некоторое время тем, которые находятся с ним, или его пациентом, в соприкосновении. Известнейший образец подобного союза между людьми представляют нам сиамские близнецы. «Они принуждены действовать всегда вместе и одинаково; движения их управляются одною волею и что всего удивительнее, эта воля равно от них обоих зависит. Их склонности и желанья находятся в такой гармонии, что как скоро одному из них захочется что-нибудь сделать, немедленно хочет того и другой»¹⁰. Правда, здесь симпатическая связь соединяет между собою два только лица, но что препятствует распространить возможность её и на многих людей? Предположим равную силу чувства с магнетизёром в тех лицах, которые поставлены с ним в соприкосновении, представим, что в точках соприкосновения они, подобно ветвям, срослись между собою и стали жить одною общею жизнью; не те же ли это будут Сиамские близнецы?

Соединение намагнетизированного с лицом, отсутствующим чрез посредство известной вещи, есть факт сколько удивительный, столько же и достойный вероятия. Припомним себе историю, кажется Шатобрианом рассказанную, о том дитяти Канадских жителей, которое заблудилось в неизмеримой глубине лесов и было возвращено родителям собакою дикаря, бежавшею по следам дитяти. Объяснение этого последнего факта имеет приложение и к первому, с тем только различием, что непрерывное сообщение между псом и дитятею совершалось посредством проводника более грубого, нежели проводник, посредством которого намагнетизированный соединяется с лицом отсутствующим. Там были этим проводником частицы, испаряющиеся из дитяти, а здесь электрическо-нервная жидкость.

Впрочем, не всякий может успешно подвергаться влиянию магнетизёра. На людей, наслаждающихся полным здоровьем, он не может произвести никакого действия; потому что в их организмах жизненные соки находятся в равновесии и прямом отношении ко всем нуждам телесным. Даже самые больные не могут безусловно принимать от него всех впечатлений. Для этого нужно пациенту на время отказаться от употребления своей воли и отдать себя в полную власть того, кто хочет привести его в состояние животного магнетизма. Иначе невозможна никакая симпатия в мыслях и желаньях двух лиц. Кроме того, электрическая жидкость, при известном

¹⁰ Rapport de M. Geoffroy Saint-Hilaire et M. Serres sur les jumeaux siamois. – *Прим. авт.*

Вероятно, цитата из доклада, опубликованного в журнале *Archives générales de médecine* (Т. 21. 1829. Р. 624–626). – *Прим. ред.*

её количестве, должна иметь известную степень уклонения от своей нормальной вращательности в организме больного и посредством или непосредственно соединять его с магнетизёром и теми, которые хотят испытать на себе действия магнетизма. Не без основания говорят, что присутствие некоторых особ тревожит намагнетизированного, так что он не может успокоиться, доколе они не удалятся от него. Причина этого заключается в особенном свойстве нервной жидкости, обнаруживающемся отталкиванием тех лиц, которые не находятся в соприкосновении с магнетизёром.

Из всего сказанного нами о душевных болезнях ясно открывается, что Природа находится в борьбе с человеком и нередко, вместо возвышения в нем нравственного совершенства, угнетает его разумно-свободный дух своим деспотизмом. Но откуда произошло это несогласие Природы с человеком и с собственными своими целями в отношении к нему? Творец, как Существо бесконечно совершеннейшее, не мог создать тварей, одна другую угнетающих или взаимно противоречащих в своих действиях. Тем менее могла расстроиться гармония Природы сама собою; потому что все существа, составляющие видимый нами мир, живут и действуют по необходимым законам. Только в человеке, который принадлежит двум различным мирам, есть место свободе, и, следовательно, в нем должно искать начала того расстройства, которое, по-видимому, причиняет ему Природа. С этой стороны Гейнрот¹¹ справедливо утверждает, что все душевные болезни происходят из нравственного повреждения. Если бы род человеческий не пал, то не могло бы родиться в организме человеческом никаких болезней. Итак, те факты, которые, по-видимому, прямо противоречат коренной нашей мысли об отношении Природы к человеку, доказывают одно то, что он расстроил гармонию между собою и природою, но не опровергают общей цели мира в отношении к разумным тварям.

I. A. Kedrov

ON THE NATURE IN RELATION TO REASONABLE CREATURES

The article is the third part of “An Essay Concerning Philosophy of Nature”, the work of the Russian philosopher and psychologist Ivan Andreevich Kedrov (1811–1846), published in 1838. The text is brought into line with modern spelling and punctuation.

¹¹ Иоганн Кристиан Август Гейнрот (Хайнрот) (1773–1843) – немецкий врач. В 1818 г. первым ввел в научный оборот термин «психосоматика». – *Прим. ред.*